

В ванной комнате Гу Вэньюй запер дверь, вбил в поисковик «Байду» симптомы Линь Цинжаня и почти сразу получил ответ.

— Мазохист? — Гу Вэньюй тихо хмыкнул, глядя на экран телефона. — Кто бы мог подумать, что он такой извращенец.

Очистив историю поиска, он тщательно вымыл руки. В зеркале отразилось его холодное, резкое лицо, на котором сейчас играла легкомысленная, почти издевательская усмешка.

— В каких заданиях ты сегодня запутался? — спросил Линь Цинжань.

Он уже успел одеться и теперь держался так же ровно и спокойно, как всегда.

«Не будь у него на лице этих жутких ссадин, — мысленно усмехнулся Гу Вэньюй, — никто бы и не догадался, какой мерзостью он только что занимался».

Он достал задачник и протянул его парню, указав на несколько случайно выбранных вопросов.

Линь Цинжань, как и в прошлый раз, принялся терпеливо и подробно разбирать каждую задачу. Но Гу Вэньюй слушал вполоборота, витая где-то далеко: его взгляд то и дело возвращался к ярким, бросающимся в глаза отметинам на лице юноши.

«Черт!» — мысленно выругался он.

Заставив себя сосредоточиться, он перевел взгляд на тетрадь. Как раз вовремя — Линь Цинжань поднял на него глаза:

— Понятно? Если нужно, я могу объяснить еще раз.

— Не надо, я все понял, — отозвался Гу Вэньюй. Продолжать этот фарс у него не было ни малейшего желания.

— Вот и хорошо, — Линь Цинжань сделал несколько пометок в его тетради. — Дома реши вот эти задания, они похожи на сегодняшние. Закрепишь материал. И еще...

Он запнулся, и на его лице отразилось искреннее сожаление:

— Прости, но, скорее всего, я больше не смогу заниматься с тобой.

— Это еще почему? — нахмурился Гу Вэньюй.

— Дело во мне. В выпускном классе свободного времени почти нет, да и знаний у меня

маловато — боюсь, это пойдет во вред нам обоим, — Линь Цинжань виновато улыбнулся. — Но раз уж я нарушаю обещание, то в качестве извинения подготовлю для тебя подробные конспекты. Как раз под твой уровень.

Он выдвинул ящик стола, достал увесистую общую тетрадь и пролистал несколько исписанных страниц:

— Кое-что я уже набросал. Как закончу, отправлю тебе.

Гу Вэньюй недоверчиво прищурился. Он прекрасно знал, насколько умен Линь Цинжань, и понимал, что все эти оправдания — шитая белыми нитками ложь.

— И что это значит? — спросил он в лоб. — Просто не хочешь со мной возиться?

— Да, именно так, — прямо и без тени сомнения подтвердил Линь Цинжань.

Он достал из потайного отделения ящика несколько стоюаневых купюр и вложил их в ладонь Гу Вэньюя:

— Возьми. Я помню всё, чем ты мне помог. Особо отблагодарить мне тебя нечем, так что пусть будут хотя бы эти деньги. Пожалуйста, не отказывайся.

Линь Цинжань посмотрел ему прямо в глаза и еще раз серьезно повторил:

— Мне правда очень жаль.

Угрозы Хань Яна непрерывно звучали у него в ушах. Он не мог рисковать безопасностью бабушки. Ему было плевать, кем его будут считать окружающие — бездушным, холодным эгоистом или неприкасаемым отребьем. Всё это не имело значения.

Лишь бы с бабушкой всё было хорошо. Ради её спокойствия он готов был отдать что угодно. Даже собственную жизнь.

— Жань-жань, Яньцин, я вам тут фруктов нарезала, — раздался стук, и в комнату вошла бабушка.

Но стоило ей взглянуть на внука, как она чуть не выронила тарелку. Старушка всплеснула руками и, прихрамывая, поспешила к нему:

— Жань-жань! Господи, что с твоим лицом? Откуда эти жуткие раны? Вы что, подрались?

— Нет, бабушка, что ты! Я просто упал на улице, случайно, — Линь Цинжань поспешил успокоить старушку. Он попытался улыбнуться, но тут же шумно выдохнул сквозь зубы — саднившая рана в уголке рта отзывалась резкой болью.

Чтобы перевести тему, он повернулся к застывшему рядом Гу Вэньюю:

— Ты ведь собирался уходить? Давай я тебя провожу.

Он увлек Гу Вэньюя за собой из комнаты. Лишь спустившись к самому выходу и убедившись, что бабушка осталась наверху, Линь Цинжань позволил себе расслабиться. Мимолетная тревога исчезла без следа, уступив место его привычной, непроницаемой холодности.

Он не любил показывать свою слабость. С самого детства он привык справляться с трудностями в одиночку, не перекладывая свои проблемы на чужие плечи.

Голос его прозвучал на удивление мягко и ровно:

— Еще раз прости. Тебе пора. А конспекты я отправлю позже — просто скинь мне свой адрес в Вичате.

Не дав Гу Вэньюю вставить ни слова, он развернулся и скрылся за дверью.

Когда Линь Цинжань вернулся в комнату, бабушка всё еще сидела там, поджидая его.

Вообще-то она собиралась не просто принести ребятам угощение, но и позвать гостя к ужину. Однако теперь все приличия отошли на задний план — мысли старушки были заняты только израненным лицом внука.

Линь Цинжань присел рядом с ней и мягко произнес:

— Бабушка, ну правда, я просто оступился. Не переживай так, до свадьбы заживет.

— Ты за кого меня принимаешь, Жань-жань? За слепую старуху? — в глазах бабушки, окруженных глубокой сеткой морщин, блеснули слезы. Её исхудавшие руки мелко дрожали. — Разве можно так расшибиться при обычном падении? А ну говори старой правду, что стряслось!

— Я...

— Не юли! — прикрикнула она, но в ее голосе сквозь гнев прорывалась щемящая тревога. Бабушка осторожно протянула ладони к его лицу, боясь даже случайно задеть воспаленную кожу. В её взгляде читалась бесконечная боль за него.

— Ладно... Когда я выходил, там на улице сцепились двое. Я попытался их разнять, ну и прилетело случайно пару раз в неразберихе, — Линь Цинжань соврал не моргнув глазом и принялся легонько гладить бабушку по спине, успокаивая. — Ты же знаешь, у меня кожа нежная, чуть задень — сразу синяк на пол-лица. На самом деле пустяк, просто выглядит страшно.

Заметив сомнение на её лице, он поспешил напомнить ей несколько случаев из детства. Тогда и правда любое падение оборачивалось для него огромными пугающими отметинами.

— Помню-помню... Ты ведь у меня с малых лет неженкой не был, — вздохнула бабушка, вытирая набежавшую слезу. — Другие ребятишки чуть расшибутся — сразу в рев, маму зовут. А ты упадешь, поднимешься молча, коленки отряхнешь и дальше бежишь, будто ничего и не случилось.

— Вот видишь. Так что не плачь, мне совсем не больно, — Линь Цинжань вытащил из пачки несколько салфеток и бережно промокнул её глаза, словно это не у него самого сейчас ныло всё лицо.

Малыши плачут от любой обиды только потому, что знают: стоит им закричать, как прибегут любящие родители и пожалеют. Линь Цинжаню подобная роскошь никогда не была доступна. Единственным человеком, кому он был по-настоящему дорог, оставалась бабушка. Но когда он жил с родителями в другом городе, её не было рядом. Жалеть его было некому.

Эту простую истину он усвоил еще на заре своей жизни. Пока другие дети закатывали истерики, он молча глотал слезы, поднимался с холодной земли и прилежно отряхивал пыль с одежды.

— Жань-жань, я знаю, какое у тебя доброе сердце, но о себе тоже нужно думать, — бабушка ласково похлопала его по ладони. — Если видишь, что кто-то дерется, зови полицию. Не лезь сам под горячую руку. Сегодня тебе просто досталось, а в следующий раз что? Вдруг покалечат? Обещай мне, Жань-жань, — она вновь умоляюще заглянула ему в глаза, и слезы покатались по ее щекам с новой силой. — Ну же, скажи что-нибудь. Неужели ты хочешь, чтобы у меня на старости лет душа была не на месте?

— Бабушка, ну что ты такое говоришь! — в его голосе прорезалось непривычное раздражение. Он терпеть не мог, когда она заводила разговоры о старости и угасании.

Ведь у него больше никого не осталось. Только она.

Бабушка сжала его пальцы в своих ладонях:

— Тогда пообещай, что больше не полезешь на рожон. Береги себя.

Линь Цинжань незаметно завел за спину другую руку, на которой кожа на ладони была содрана до мяса.

— Хорошо, бабушка. Обещаю.

Там, за спиной, он крепко сжал кулак, и из свежих ссадин на пальцах медленно выступила кровь.

<http://bllate.org/book/18342/1764186>